«Миграция права»: юридический взгляд на книгу Пола Коллиера о том, как миграция изменяет наш мир

БАЕВ Валерий Григорьевич, заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права Юридического института Тамбовского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор

392000, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 106

E-mail: vgbaev@gmail.com

КРАМСКОЙ Вадим Владимирович, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Тамбовского государственного технического университета, кандидат юридических наук

392000, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 106

E-mail: vkramskoy@mail.ru

Авторы анализируют книгу известного экономиста Оксфордского университета Пола Коллиера, посвященную миграции — пожалуй, самой актуальной проблеме современности. Но рассматривают ее через призму права, поскольку рецензируемое исследование не относится только к разряду экономической, политической или даже юридической науки. Вдумчивый читатель гуманитарного толка найдет рассыпанные зерна рациональности на полях раскинувшегося научного поля применительно к его сфере интересов: будь то прикладные исследования народного хозяйства в мировом и локальном масштабах или изыскания исторического уклона, этнографической направленности, правового и культурного содержания.

Книга многогранна, как и сама миграция, имеющая всесторонний характер. В рассуждениях о миграции права авторы отмечают движение правовых идей из одной правовой общности в другую посредством взаимодействия их субъектов. В их роли могут выступать как сами публично-правовые образования, так и частные лица определенной правовой принадлежности с активной гражданской позицией, не обязательно наделенные правом законодательной инициативы. Существенная разница между миграцией права и правовой имплементацией проходит по той границе, где переносимым компонентом правовой имплементации служит правовая норма, а элементарной частицей миграции права — правовая идея. Что касается семантического наполнения понятия «миграция права», можно отметить его более широкий характер в сравнении с правовой имплементацией, ввиду чего последняя выступает частным проявлением миграции права. Более того, авторы считают возможным вести разговор о том, что правовая имплементация — это один из возможных сценариев развития программы миграции права в пространстве, одна из ее конечных стадий. Не всякая правовая идея в итоге обретает форму правовой нормы.

Ключевые слова: миграция, правовая идея, имплементация, правопонимание, правовая идентичность.

“Migration of Law”: Juridical Overview of the Book by Paul Collier on How Migration is Changing Our World

V. G. BAYEV, head of the Department of labor and business law of the Law Institute of the Tambov State Technical University, doctor of legal sciences, professor

106, Sovetskaya st., Tambov, Russia, 392000

E-mail: vgbaev@gmail.com

V. V. KRAMSKOY, associate professor at the Department of civil law and procedure of the Law Institute of the Tambov State Technical University, candidate of legal sciences
106, Sovetskaya st., Tambov, Russia, 392000
E-mail: vkramskoy@mail.ru

The authors analyze the book of the famous economist of the Oxford University Paul Collier devoted to migration — perhaps the most topical problem of the day. But the authors consider it through the prism of law, as a peer-reviewed study does not apply only to the category of economic, political or legal science. The thoughtful humanitarian reader will find scattered grains of rationality in the scientific fields with respect to his interests: whether applied research of national economy in the global and local scales, or surveys of historical bias, the ethnographic orientation, legal and cultural content.

The book is multifaceted as well as comprehensive migration itself. In the arguments about the “migration of law”, the authors understand the movement of legal ideas from one legal community to another through cooperation of their subjects. In their role can act the public legal entities as well as private persons of some legal affiliation with active civic position, who sometimes do not have the right of legislative initiative. A significant difference between “migration of law” and legal implementation takes place at the border, where the legal norm is a portable component of the legal implementation, and the legal idea is an elementary particle of the “migration of law”. With regard to the semantic content of the notion “migration of law” you can mark its broader character in comparison with legal implementation; that is why the legal implementation is a part of the “migration of law”. Moreover, the authors believe that it is possible to talk about the fact that the legal implementation is one of the possible scenarios of the development of the “migration of law” program in the area, one of its final stages. Not every legal idea, ultimately, is clothed in the form of legal norms.

Keywords: migration, legal idea, the implementation, understanding of law, legal identity.

DOI: 10.12737/article_59522f98c73907.62690357

Как известно, люди боятся перемен и настороженно принимают все новое, часто не помня о том, что жизнь требует движения, которое и есть наша жизнь. Ввиду господствующей в ней неопределенности невозможно знать, чем закончится очередной шаг. Видимо, не знал об этом и Пол Коллиер, начиная рассуждения о миграции, которые материализовались в книгу — книгу о движении в том или ином его проявлении.

Профессор и директор Центра по изучению африканских экономик Оксфордского университета П. Коллиер предоставил мировой обществу труд под названием «Исход: как миграция изменяет наш мир»¹. Его сложно отнести только к экономическим исследованиям, невозможно однозначно именовать его и политическим, социокультурным и даже юридическим. Вдумчивый читатель гуманитарного толка найдет на полях раскинувшегося науч-

ного поля рассыпанные зерна рациональности применительно к его сфере интересов: будь то прикладные исследования народного хозяйства в мировом либо локальном масштабе или изыскания исторического уклона, этнографической направленности, правового и культурного содержания. Проще говоря, книга многогранна, как и сама миграция, имеющая всесторонний характер.

В самом начале своих изысканий Коллиер ставит проблему миграции в качестве табуированной темы, непосредственно связанной с вопросами национализма, общественной безопасности и реализацией человеком природного права на свободу передвижения. Затем приступает к исследованию социальных и экономических последствий процессов переселения людей из одной культурной общности в другую. Задумывается над выявленными, с его точки зрения, ошибками в проведении миграционной политики правительствами передовых европейских государств, систематизирует допущенные ими просчеты, разбирается с причина-

¹ См.: Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М., 2016. 384 с.

ми их появления и высказывает ревизионистские взгляды относительно миграционной политики в мировом масштабе.

Красной нитью, соединяющей авторские тезисы на страницах издания, выступает правовая составляющая, которой опосредуется существование любого социального института, включая миграцию. Слово «миграция» ассоциируется, как правило, с толпой страждущих лучшей жизни в неродных для них местах. В каждом переселенце можно видеть того, кто не смог согнуться там, где родился. Но если посмотреть шире, то миграция — это не только движение людей, но и движение животного мира, энергии, капитала и, что более важно, идей, в том числе, правовых.

Часто можно услышать такие словосочетания, как «миграция рыб», «миграция птиц», «трудовая миграция», но только не «миграция права». В связи с этим возникает вопрос о существовании самой миграции права. Ведь философский тезис о том, что все названное существует, совершенно не исключает того, что все существующее не всегда названо. Именно так обстоят дела и в отношении миграции права. Взяв за основу для размышлений о миграции права названный труд, мы будем оценивать мысли автора исключительно с юридической точки зрения, что, наверное, не мог предполагать сам Коллиер.

Начиная рассуждения о миграции права, следует оговориться, что под этим процессом мы понимаем движение правовых идей из одной правовой общности в другую посредством взаимодействия их субъектов. Таковыми могут выступать как сами публично-правовые образования, так и частные лица определенной правовой принадлежности с активной гражданской позицией, не обязательно наделенные правом законодательной инициативы.

Академическая общественность способна возразить, что наш текст носит характер терминологического

переодевания уже существующего понятия, которое, по сути, отражает миграцию права в пространстве. Таким термином может выступать «правовая имплементация», определяемая как включение в национальную правовую систему установленных международных правовых актов в рамках принятых на себя государством публичных обязательств. Однако в данном случае положение дел обстоит несколько иначе.

Правовая имплементация, во-первых, соотносима только с правовыми институтами международного порядка, во-вторых, имеет дело с правовыми нормами и, в-третьих, уместна в рамках исполнения достигнутых международных договоренностей.

Существенная разница с учетом сказанного между миграцией права и правовой имплементацией проходит по той границе, где переносимым компонентом правовой имплементации служит правовая норма, а элементарной частицей миграции права — правовая идея. При этом следует оговориться, что, различая правовую норму и правовую идею, мы не входим в дискуссию с коллегами, придерживающимися естественного правовопонимания. Для последних миграция права как миграция правовой нормы не имеет весомого значения, поскольку предопределенное самой природой право существует вне зависимости от опосредования его государством. Ввиду этого трансформация правовых идей в правовые нормы для юснатуралистов вторична. Но с точки зрения процесса правообразования, понимаемого позитивистами как результат действия разнонаправленных факторов социальной и природной среды на общественные отношения, под влиянием которых и порождается новое право, различия правовой идеи и правовой нормы, безусловно, колоссальны.

Относительно семантического наполнения понятия «миграция права» можно отметить его более широкий характер в сравнении с пра-

новой имплементацией, ввиду чего последняя выступает частным проявлением миграции права. Более того, имеется возможность вести разговор в данном контексте о том, что правовая имплементация — это один из возможных сценариев развития программы миграции права в пространстве, одна из ее конечных стадий. Не всякая правовая идея в итоге облачается в форму правовой нормы. Для наглядности можно привести следующие примеры правовой имплементации и миграции права.

Так, в качестве образчика правовой имплементации посредством отсылочного способа может служить норма Налогового кодекса РФ, содержащаяся в части первой ст. 232, согласно которой зачет уплаченных в другом государстве налоговым резидентом Российской Федерации сумм налога с доходов, полученных в иностранном государстве, осуществляется только в том случае, если такое предусмотрено международным договором Российской Федерации по вопросам налогообложения. Подобного рода договоры Российской Федерацией заключены с 86 государствами мира. Другими словами, исполнение международного права, заключенного для сторон в соответствующих договорах, опосредуется нормами национальной правовой системы путем отсылки к обязательности исполнения первых.

Частным случаем, с нашей точки зрения, материализации процесса миграции права выступает появление² в Гражданском кодексе РФ (абзац третий п. 1 ст. 53) института множественности лиц, обладающих полномочиями исполнительного органа юридического лица и действующих совместно либо автономно друг от друга вне зависимости от выбранной организационно-правовой формы.

Проявлением движения правовой идеи из одной правовой общности в другую здесь выступает так назы-

ваемое правило двух ключей, когда во главе юридического лица может существовать два и более исполнительных органов (директоры), что получило распространение в практике европейских правовых порядков³.

Рассуждая о миграции права и отличая ее от правовой имплементации относительно последнего примера, заметим, что в приведенном случае имеет место заимствование именно правовой идеи, опосредованной доктринальными разработками в области корпоративного права.

Определившись с пониманием миграции права и продолжая наше рецензирование, остановимся на фразе П. Коллиера, которая на первый взгляд может показаться отстраненной от сферы юриспруденции. По словам автора, повышение доли иммигрантов ведет отнюдь не к сближению и росту взаимопонимания между ними и коренным населением, а только к укреплению взаимных подозрений⁴.

Относимая к нашему пассажиру составляющая данного высказывания кроется в том, что и в юридической плоскости ситуация с восприятием права индивидом складывается подобным образом, разве что в качестве иммигранта выступает новая правовая идея, высаженная в грунт национальной правовой системы, оставляющей без каких-либо гарантий ее взращивание в качестве правовой нормы. После возможного оформления правовой идеи как правового установления, обеспечиваемого силой государства, она обретает обязательный для исполнения характер. Иначе говоря, далее жить придется с этой нормой права, равно как и коренному населению приходится приспособливаться к прибывшим иммигрантам. Страх перед новым всегда оправдан, поскольку несет в себе долю неопределенности, вследствие

² См. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ.

³ См.: Интервью с И. С. Шиткиной // Практический журнал для руководителей и юристов «Законодательство». 2016. № 1.

⁴ Коллиер П. Указ. соч. С. 103.

чего принятие на веру нового сопряжено с проблемой его претворения в жизнь. Переводя сказанное в правовое русло, можно увидеть, как данный аспект трансформируется в вопросы правоисполнения, связанные с различного рода социальными эксцессами: будь то правовой нигилизм, правонарушения и др.

Так, определяемые законом правила поведения должны нести воспитательный публичный интерес, от полноты отражения в правовых нормах которого напрямую зависит соблюдение режима законности в государстве. Сообразуясь со своими представлениями и отношением к новому праву, индивид-мигрант выбирает для себя конкретную линию правового поведения, которая может носить положительный, отрицательный и нейтральный характер. Соответствующие им виды правового поведения индивида обусловлены степенью отражения в создаваемом объективном праве его потребностей. Образно выражаясь, зеркало закона должно точно отражать реалии жизни, и от того, насколько точно его гладь воспроизводит потребности индивида, зависит степень доверия к власти и создаваемому праву. В противном случае может возникнуть следующий причинно-следственный ряд: неправильно понятый интерес индивида — утрата им доверия к праву — нестабильное функционирование режима законности.

Говоря о доверии новому праву, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о правовой идентичности, который достаточно полно раскрыт Н. В. Исаевой, понимающей под ней процесс отождествления себя в контексте формы личностного бытия и развития, основанный на знании, освоении и принятии права как ценности, предопределяющей юридически значимое поведение⁵. По словам

П. Коллиера, двумя столпами идентичности сегодня стали глобализм и индивидуализм, а отвращение к национальной идентичности снижает способность к сотрудничеству и усиливает неравенство в обществе⁶. Но, несмотря на эти соображения, от национальной идентичности, веря П. Коллиеру, необходимо порой отказаться⁷.

Справедливость этого утверждения ярко демонстрирует история с поиском ответа на пресловутый вопрос о необходимости применения в системе видов наказаний, предусмотренных национальным уголовным правом, смертной казни или замены ее пожизненным лишением свободы.

На протяжении достаточно длительного существования Российского государства в самом широком его понимании, включая Древнюю Русь, Средние века, имперский период, советскую эпоху, новейшую историю, отношение общества к вопросу о возможности воздаяния смертной казнью за совершенное преступление менялось неоднократно, что во многом обусловлено политической составляющей данного феномена. К слову, достаточно широкое распространение смертной казни в Древней Руси и вплоть до начала XVIII в. сменялось сворачиванием масштабов применения данного вида наказания, его избирательностью по отношению к совершенному виду преступления в период Петра I, озаглавленный стремлением к европейским ценностям, такая же тенденция продолжилась в екатерининскую и последующие вехи истории. Новым витком спирали в истории вопроса о применении смертной казни стала политика красного террора по отношению к эксплуататорскому классу, пропагандируемая В. И. Лениным. Но с приходом в политическое бюро Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков Ф. Э. Дзержинско-

⁵ См.: Исаева Н. В. Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново, 2009. С. 15.

⁶ Коллиер П. Указ. соч. С. 317.

⁷ Там же. С. 29.

го использование данного вида наказания стало несколько сдержанным путем отчуждения права приговора к смертной казни у местных чрезвычайных комиссий и передачи соответствующих полномочий революционному трибуналу. При этом уже в 1949 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН представительством СССР было внесено предложение об отказе от использования смертной казни во всех странах мира. Но только в 1983 г. состоялся протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. относительно отмены смертной казни. Таковая была отменена применительно к государствам — членам Совета Европы. Впоследствии в России был издан Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» и принят ряд законодательных актов, которыми был наложен мораторий на применение смертной казни.

Из изложенного видно, что под натиском прогрессивных человеческих ценностей мирового порядка ситуация с разрешением вопроса о применении смертной казни permanently менялась, нередко по политическим мотивам. Ввиду этого в определенной мере национальная идентификация в праве утрачивала самобытный характер, что позволяет говорить о процессах правовой глобализации и, следовательно, правовой миграции, которые унифицируют в мировом масштабе правовые нормы различных правовых систем, делают их схожими в своей диспозиции. Уместно задаться риторическим вопросом: «Возможно ли создание единого закона для всех людей, коль скоро мы подвержены явлению глобализма?». Однако отметим, что одним из базисов личной идентичности сегодня является индивидуализм. В связи с этим вышеуказанный вопрос не требует ответа.

Развитие любой правовой системы невозможно назвать независи-

мым от какого-либо влияния извне. Вряд ли в мире найдется какая-либо правовая семья, начисто избавленная от примесей инородного вмешательства. Равно как миграция предопределяется отчасти проведением неудачной экономической политики, дисфункциями идеологии, сложными географическими условиями, наследием колониализма и недостаточным уровнем образования граждан, так и в полной мере эти же факторы способны оказывать влияние на развитие правовой системы. В связи с этим характеристика индивидуальности той или иной правовой системы обретает расплывчатые формы, что позволяет вести речь о самобытности любой правовой системы только в определенной степени с выявлением в ней лишь особенного и единичного, оставляя в стороне общее.

К примеру, П. В. Трощинский, исследуя правовые семьи, отмечает, в частности, что современная правовая система Китайской Народной Республики представляет собой уникальное явление, включающее характерные черты права стран социалистической системы, нормы традиционного права Китая и некоторые принципы международного права⁸.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что право как явление не может идти только своим путем, оно неизбежно сталкивается с элементами новизны, порождение которых обусловлено как внутренними причинами в виде необходимости соответствия запросам современного общества, так и внешними — появлением и развитием новых идей, привнесенных в том числе иммигрантами.

Новая правовая идея ассимилируется существующим правом, укладывается в его прокрустово ложе. Однако, по свидетельству Коллиера, нельзя исключать случай иного варианта возможного развития миграции права — юридический сепар-

⁸ См.: Трощинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 95.

ратизм. Его суть сводится к введению другой правовой системы, параллельно существующей в рамках одного государства. Подобное положение вещей обсуждалось в Великобритании, когда после соответствующего заявления архиепископа Кентерберийского Р. Уильямса активно стала развиваться идея появления наряду с англосаксонским правом права, основанного на законах шариата⁹. Эта общественная дискуссия была вызвана необходимостью реагировать на практику разрешения спорных ситуаций между членами диаспоры иммигрантов, принадлежавших к иной правовой системе, в рассматриваемом случае мусульманской, до их прибытия на «туманный Альбион». В частности, речь шла о вопросах семейных отношений в исламской культуре, аспектах наказания по законам Корана провинившихся членов мусульманской общины. Ведь совершенно точно, что, прибыв в новую для себя духовную и правовую среду, иммигранты полностью в ней не растворяются и продолжают руководствоваться привычными правилами поведения.

Рассуждая о возможности соотношения исламской морали с уже

существующим европейским законом, целесообразностью установления параллельной законодательной системы, находящейся во взаимной связи с исламской моралью, заметим, что в данных предположениях незримо присутствует дух макиавеллиевского принципа «разделяй и властвуй». Существование двух правовых систем в пределах одного государства — это путь к утрате им своего суверенитета и рецепт правового хаоса.

Итак, названный нами как «миграция права» процесс движения правовых идей из одной правовой общности в другую посредством взаимодействия их субъектов выступает первопричиной диалога правовых культур в рамках конкретного государства. Того самого диалога, без которого невозможно сглаживание острых углов в отношениях как между самим коренным населением по поводу проводимой правовой политики и ее перспектив развития, так и между коренным населением и вновь прибывшими членами общества относительно дальнейшего их сосуществования в пределах правового поля.

Миграция права — это отголосок миграции населения, раскрытию внутренних особенностей которой и посвящена книга П. Коллиера.

⁹ См.: Коллиер П. Указ. соч. С. 141.

Библиографический список

- Интервью с И. С. Шиткиной // Практический журнал для руководителей и юристов «Законодательство». 2016. № 1.
- Исаева Н. В. Правовая идентичность: проблемы теории и практики. Иваново, 2009.
- Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М., 2016.
- Трощинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8.